

Смирнов Сергей Иванович

Древне-русский духовник

**Исследование по истории
церковного быта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 004
ББК 92
С32

С32 **Сергей Иванович С.**
Древне-русский духовник: Исследование по истории церковного быта /
Смирнов Сергей Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 865 с.

ISBN 978-5-519-74137-8

ISBN 978-5-519-74137-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Сокращенія¹⁾.

- Аванасьева*, Поэт. возвр., или *Аванасьева*. *А. Аванасьева*, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, I—III. М. 1865, 1868, 1869.
- Барского*, Памятники, или *Барского*. *Я. Л. Барского*, Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. СПб. 1912.
- Бороздинъ*, Протопопъ Аввакумъ², или *Бороздинъ*. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII в. *А. Е. Бороздина*. Изданіе второе, исправленное и дополненное. СПб. 1900.
- Буслаева*, Очерки. *Ө. Н. Буслаева*, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. I и II. СПб. 1861.
- Варлаамъ*, Опис. Сборника XV в. Кир.-Вѣлоз. Б-ки. *Арх. Варлаамъ*, Описаніе Сборника XV в. Кирило-Вѣлозерской Библіотеки (№ 9/1086). Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, V т.
- * Вѣя. Номок. 1191 г. Вѣнской Придворной Б-ки пергам. рукопись 1191 г. jug. graec. (17 Lamb.) 11 (Nessel) in 4^o, 110 лл. (цитируемъ по выпискамъ проф. Вл. Н. Бенешевича).
- Дух. Регл.⁴ Духовный Регламентъ. Изданіе четвертое. М. 1897.
- Есипова*, Раск. дѣла. Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія. Извлеченныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи *Г. Есиповымъ*. I. (СПБ. 1861) II (1863).
- Жданова*, Сочиненія, I. Сочиненія *И. Н. Жданова*, т. I, изд. Отд. Р. Яз. и Слов. И. Ак. Н. СПб. 1904.
- Житіе Θεодосія*. Житіе преп. Θεодосія Петерскаго по Сборнику XII в. Москов. Успенскаго собора, I вып., изд. *Шахматова и Лаврова*. Чт. О. И. и Др. 1899, кн. 2.
- Илія. Вопросаніе *Илія*, изд. въ VI т. Рус. Ист. Б-ки и въ *Текстахъ*, I.
- Кирика. Вопросаніе *Кирика*, изд. въ VI т. Рус. Ист. Б-ки и въ *Текстахъ*, I.

¹⁾ Не помѣченныя въ данномъ перечнѣ сокращенія см. въ спискѣ „Знаки и Сокращенія“ при „Матеріалахъ для исторіи древне-русской покаянной дисциплины“, стр. 462—464. Знакомъ * отмѣчены сокращенія, опущенныя въ этомъ послѣднемъ спискѣ.

Лихачевъ, Сборникъ актовъ, или Лихачевъ.

* Париж. ркп. XIII в. №1152.

Патерикъ Печерскій.

Посошкова, Завѣщаніе отеческое.

Посошкова, Зеркало очевидное.

Посошкова, Сборники писемъ.

П. С. Заб.

П. С. П. и Р.

Прав. Пал. Сборн., или Пр. П. Сб.
Рыбникова, Пѣсни ².

Саввы.

Сборникъ Щукина.

С. Г. Гр. и Д.

Соловец. Кормч. 1493 г.

Проф. Н. П. Лихачевъ, Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ. Вып. I. Духовныя и Сговорныя грамоты. СПб. 1895.

Рукопись Парижской Б-ки (Colb. 1604; Requiis 2422) пергам. XIII в. № 1152 (цитируемъ по выпискамъ проф. Вл. Н. Бенешевича).

Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря, изд. Археографической Коммиссіей, СПб. 1911, подъ ред. проф. Д. И. Абрамовича.

Завѣщаніе отеческое, сочиненіе И. Т. Посошкова, новое изданіе, дополненное вновь открытою второю половиною „Завѣщанія“. Изд. подъ ред. Е. П. Прилежанова. СПб. 1893.

Зеркало очевидное И. Т. Посошкова. (Редакція полная), изд. проф. А. Царевского, вып. I—Казань 1895; в. II—1905.

Сборники писемъ И. Т. Посошкова къ митр. Стефану Яворскому, изд. Вс. И. Срезневскимъ. СПб. 1900.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

Полное Собраніе постановленій и распоряженій по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія.

Православный Палестинскій Сборникъ.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, изд. 2-е подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. тт. I—III. М. 1909—1910.

Вопрошаніе Саввы, изд. въ VI т. Рус. Ист. Б-ки и въ *Текстахъ*, I.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина.

Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ.

Каноническій Сборникъ 1493 г. Соловецкой Б-ки, нынѣ Казанской Духовный Академіи, № 412 (858), неточно называемый Кормчей.

Введение.

Задача, методъ и планъ работы.—Начальная исторія покаянной дисциплины и духовничества въ русской церкви.— Терминологія древне-русскаго духовника.

Предупреждая требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ настоящему труду, авторъ считаетъ нужнымъ выяснитъ задачу, методъ и планъ своей работы. Если бы читатель захотѣлъ найти въ этой книгѣ исторію церковнаго законодательства о древне-русскомъ духовникѣ и приложенія этого законодательства къ жизни, онъ закрылъ бы ее совершенно не удовлетворенный: *авторъ не собирався писать историко-каноническаго изслѣдованія о духовникѣ древней Руси*. Не предпринималъ онъ этого потому, что не признаетъ такую задачу выполнимой. Немногочисленные памятники нашего древняго церковнаго законодательства почти не касаются изучаемаго нами института и вообще покаянной дисциплины: въ постановленіяхъ древне-русскихъ соборовъ очень мало данныхъ для исторіи того и другой. И поставивъ исходнымъ пунктомъ своихъ изысканій эти немногочисленные данныя, — краткія упоминанія, обмолвки и штрихи, невозможно составить себѣ сколько нибудь пѣльнаго представленія о древне-русскомъ духовникѣ и покаянной дисциплинѣ. Каноническіе труды древнихъ іерарховъ даютъ больше матеріала. Но по всему ясно, что не воля законодателя создавала древне-русскую дисциплину покаянія и ея органъ. Воля собора или іерарха вмѣшивалась въ эту сферу лишь затѣмъ, чтобы разрѣшить частныя казусы въ отношеніяхъ духовнаго отца къ дѣтямъ и къ епархіальной власти, произвести частичныя исправленія въ сложившихся отношеніяхъ, прекратить вопіющіе беспорядки. Изучаемое явленіе создалось бытовымъ порядкомъ и, какъ всякое прочно установившееся бытовое явленіе, оно мало замѣчалось и отмѣчалось. Дисциплина тайной исповѣди и покаянія сложилась въ монастыряхъ христіанскаго Востока въ періодъ вселенскихъ соборовъ; ея органъ — духовникъ развился въ бытовой сторонѣ своей изъ монастырскаго старчества. Въ теченіе X—XII вв. тайная исповѣдь завоевываетъ себѣ господствующее положеніе въ восточной церкви, вытѣсняя исповѣдь публичную и покаяніе по канонамъ. Пришедшее на Русь изъ Греціи и отчасти, можетъ быть, изъ Болгаріи духовенство принесло съ собою почти готовую, слагавшуюся тамъ и здѣсь дисциплину покаянія и институтъ духовника, принесло и ту письменность, преимущественно монашескую, которая регулировала эту дисциплину: чинъ (или чины) исповѣди, руководства для наложенія епитимій и правила, касающіяся духовнической практики. Народившійся на Руси классъ духовенства, естественно, принялъ покаянную письменность хри-

стіанскаго Востока; воспринялъ съ нею, насколько было это возможно, и самый строй дисциплины; подражая готовымъ образцамъ, онъ увеличивалъ покаянную письменность своими произведеніями. И въ теченіе всей допетровской исторіи дисциплина эта просуществовала почти неизмѣнно, приблизительно въ тѣхъ бытовыхъ чертахъ своихъ, въ которыхъ она зародилась и сложилась въ восточныхъ монастыряхъ періода вселенскихъ соборовъ. Поэтому, изучая исторію древне-русскаго духовничества, мы занимаемся преимущественно бытовой стороною его; предлагаемая вниманію читателя книга есть *ислѣдованіе по исторіи церковнаго быта*. Такъ понимаетъ авторъ свою задачу.

Сосредоточивъ свое преимущественное вниманіе на бытовой, а не на канонической сторонѣ изучаемаго явленія, авторъ считалъ удобнымъ, исходя отсюда, комментировать и объяснять свидѣтельства древне-русскихъ церковно-законодательныхъ памятниковъ, имѣющія съ точки зрѣнія канонической, безспорно, главнѣйшее значеніе. И въ результатъ получилось твердое убѣжденіе въ томъ, что древне-русская церковная власть проявила въ этой сферѣ очень мало творчества; она жила традиціей, стариною, вполне признала давно сложившуюся дисциплину покаянія и его органъ, не подвергала ихъ ломкѣ или какой-нибудь реформѣ до самаго XVIII стол.; рѣдко измѣняла она какія-нибудь частности или исправляла, и не всегда съ замѣтнымъ успѣхомъ, отступленія отъ нормы, являвшіяся не только плодомъ злоупотребленій, но и воздѣйствія антиканонической, худой письменности. Вообще покаянная письменность, переходившая постепенно къ намъ съ Востока, главнымъ образомъ съ славянскаго юга, оказывала значительное вліяніе на дисциплину покаянія и его органъ. Но въ древней русской церкви не было серьезной попытки разобраться въ письменности, регулировавшей покаянную дисциплину: выдѣлить каноническій элементъ отъ отреченнаго, а каноническій привести въ систему, — отбросивъ устарѣвшее, ввести новое, сгладить противорѣчія. Ничего подобнаго не наблюдается. Матеріалъ нарасталъ механически: правила, уже явно устарѣвшія, напр., правила о постахъ, составленныя по студійскому уставу, переписываются еще въ XVII в. Появлялись новыя правила, переводились новыя, иногда обширные сборники (таковы, напр., Номоканонъ при Большомъ Требникѣ), но и старыя не теряли, повидимому, своего практическаго значенія. И не даромъ большая часть древнѣйшихъ произведеній изучаемаго отдѣла дошли до насъ въ спискахъ сравнительно позднихъ. Эта безпорядочность руководствъ, несомнѣнно, сильно затрудняла древне-русскихъ духовниковъ, вызывала „разнствія“ и „матежи“ между ними, можетъ быть, недовольство духовныхъ дѣтей: по старинному выраженію, попъ долженъ былъ какъ „врачъ хитрый“ разыскивать каждый разъ нужный ему „канонъ“, и можно быть увѣреннымъ, что далеко не всегда у духовника была на лицо требуемая хитрость. На долю изслѣдователя выпадаетъ отсюда обязанность разобраться въ этомъ обширномъ и далеко неизученномъ матеріалѣ, распредѣлить его хронологически: какіе памятники древнѣйшей эпохи и какія устанавливали они нормы для покаянной дисциплины,

какіе относятся къ послѣдующему времени и въ какомъ отношеніи они измѣнили упомянутыя нормы, отчасти же, гдѣ это можно, распредѣлить географически—по мѣсту происхожденія. Вотъ почему авторъ занимался матеріалами для исторіи покаянной дисциплины, стараясь собрать фрагменты древне-русскихъ каноническихъ произведеній, не брезгая и худой, отреченной письменностью, которая мало интересуетъ канониста, но цѣнна для историка, потому что очень характерна для среды, въ которой возникла, и для того духовенства, которымъ принималась въ руководство и исполненію. Таковы основные методологическіе приемы работы, вызываемые, по мнѣнію автора, самымъ существомъ дѣла.

Быть слагается изъ разнообразныхъ элементовъ, живетъ и, разлагаясь, умираетъ. Эта схема опредѣлила общій планъ изслѣдованія о древне-русскомъ духовникѣ. Но изъ трехъ указанныхъ моментовъ только два послѣдніе въ его исторіи могутъ быть описаны болѣе или менѣе обстоятельно.

Въ исторіи древне-русской покаянной дисциплины, частіе, въ исторіи древне-русскаго духовника наблюдается очень важный пробѣлъ: совершенно неизвѣстно ея начало. Въ полов. XII стол. институтъ тайной исповѣди представляется уже вполне сложившимся на Руси: исповѣдь была обязательна для вѣрующихъ; система покаянія довольно подробно разработана; ихъ органъ духовникъ получилъ такой видъ, въ какомъ почти и просуществовалъ онъ на Руси много столѣтій послѣ; порядокъ говѣнья, приспособленнаго къ постами, главнымъ образомъ къ посту великому, окончательно установился; наконецъ, покаянный уставъ съ именемъ Іоанна Постника является въ то время авторитетнымъ руководствомъ въ дѣлѣ исповѣди и наложенія епитимій. Ясныя свидѣтельства на этотъ счетъ содержатъ „Вопрошаніе Кирика“ и Поученіе архіеп. Іліи—два драгоценныхъ каноническихъ памятника новгородской письменности. Но въ такомъ ли видѣ перешла къ намъ съ Востока покаянная дисциплина и органъ тайной исповѣди—духовникъ? Можетъ быть, въ моментъ возникновенія русской церкви дисциплина эта представляла то же переходное состояніе отъ публичной къ тайной, въ какомъ находилась она въ греческой церкви послѣ періода вселенскихъ соборовъ, и въ первые полтора вѣка существованія нашей церкви прошла стадію развитія, аналогичную той, которая имѣла мѣсто на греческомъ Востокѣ? Имѣются опредѣленные данныя относительно покаянной дисциплины въ Киево-Печерскомъ монастырѣ со времени преп. Θεодосія, и она является совершенно точной копіей дисциплины Студійскаго монастыря, но рѣшительно неизвѣстно, какова была эта дисциплина среди неорганизованнаго русскаго монашества со времени Владиміра Святого до второй полов. XI в., въ теченіе семи первыхъ десятилѣтій русской церкви. Мало опредѣленныхъ данныхъ до полов. XII стол. и относительно исповѣди и покаянія внѣ монастыря. Правило, которое Кирикъ призывалъ „Написаніемъ митрополита Георгія русскаго и Θεодоса“ (т.-е. преп. Θεодосія), памятникъ, вѣроятно, кievской письменности, отъглаголяетъ съ несомнѣнностью, что институтъ духовника былъ тогда прочно

организованъ въ бытовой сторонѣ его¹⁾). Но, прежде всего, Написаніе не имѣетъ такого высокаго каноническаго авторитета: предписанія, въ немъ содержащіяся, не принадлежать Кіевскому митр. Георгію (упом. 1072 и 1073), а запись ихъ великому печерскому подвижнику, отцу русскаго монашества († 1074)²⁾. Затѣмъ, и появилось Написаніе, можетъ быть, не въ 70-хъ годахъ XI ст., а нѣсколько позднѣе до пол. XII в. Другой каноническій памятникъ кіевской же письменности 80-хъ годовъ XI в. и, неоспоримо, высокаго каноническаго авторитета Правило митр. Іоанна II (1080—1088) не даетъ намъ такой опредѣленной картины. О духовникѣ нѣтъ яснаго упоминанія въ Правилѣ. Правда, при описаніи двоєвѣрныхъ христіанъ русскихъ въ 15 ст. его говорится между прочимъ: „иже не принимаютъ святыхъ Таинъ ни единою лѣтою, *аще не отъ отца духовнаго связаны будутъ ни причащаются*“. Но въ греческомъ подлинникѣ нѣтъ условнаго предложенія, т.-е. нѣтъ свидѣтельства о духовникѣ, и подчеркнутыя слова—болѣе поздняя вставка³⁾. Второе свидѣтельство не ясно: „матеръ же крестимыхъ дѣтей, аще больни будутъ и поститися не могутъ, *прощаютъ отци*, да не изнемогутъ постомъ и свой погубятъ животъ“. Слова „прощаютъ отци“ толкуются разнo; но возможно, что здѣсь рѣчь о духовникахъ, снисходящихъ къ немощамъ родильницъ⁴⁾.—За разные грѣхи и проступки Правило Іоанна предписываетъ епитимію: женившимся въ родствѣ (троюроднымъ), женившимся безъ церковнаго бракосочетанія какъ блудникамъ, священнику, носящему одежду не своего званія, недѣльное отлученіе, епитимія⁵⁾; наконецъ, Правило запрещаетъ монахамъ и священникамъ оставаться на пиру, когда начнется пѣніе и веселье, и прибавляетъ:

¹⁾ *Тексты*, IV, 2—5.

²⁾ *Замѣтки*, § 7, д, е, ж. Ниже приводится упоминаніе митр. Никифора (1104—1121) о духовникахъ. Поэтому время появленія памятника можно отодвигать къ нач. XII в.

³⁾ Καὶ τοὺς μὴ μεταλαμβάνοντας τῶν ἁγίων μυστηρίων μηδὲ ἀπὰς τοῦ ἐναιουτοῦ. Р. И. Б. VI², 341—342 стбб. втор. счета (ср. 8 стб. перв. сч.); *проф. В. Н. Бенешевича*, Древне-славянская Кормчая безъ толкованій, II, 66.

⁴⁾ Однимъ изъ вариантовъ къ словамъ „прощаютъ отци“ служатъ „отдавають“... (другой вариантъ „оставляютъ“... συγγνωσκουσιν οἱ πατέρες). Поэтому *Макарий*, которому неизвѣстенъ былъ греческій текстъ Правила, понималъ приведенное мѣсто такъ: „матери... передаютъ этотъ долгъ отцамъ“, т.-е. долгъ поста отцамъ плотскимъ. Исторія, П³, 254. Однако греческій текстъ противъ таковаго пониманія: правильно—„прощаютъ, оказываютъ снисхожденіе отци“. *Лавловъ* рѣшительно признаетъ, что здѣсь рѣчь объ отцахъ церкви, частіе, о св. Тимоѣѣ Александрійскомъ, дозволяющемъ въ 8 правилѣ своимъ родильницѣ употреблять всякую пищу даже въ страстную недѣлю. Р. И. Б. VI², 345—346 втор. сч. Но, говоря объ отцахъ церкви и ихъ правилахъ, митр. Іоаннъ неизбѣжно употребляетъ эпитетъ „святинъ“ (стг. 16 и 18) или „божественниъ“ (ст. 24). Поэтому здѣсь, можетъ быть, разумѣются отцы духовные, которымъ дѣйствительно были предписанія ослаблять постъ для родильницъ. „Аще жена по дѣтяти, да ясть рыбы (вепчимъ постомъ); давати же за то милостыня“. *Тексты*, XXCVIII^а, 16—17.

⁵⁾ „На недѣлю възложить въ отлученіе (въ опитемью“. Вѣроятно, эти слова слѣдуетъ понимать въ смыслѣ запрещенія священнослуженія—особой дисциплины покаянія для духовенства.

„сія ўбо въ опитеми введуть, иже по смотрѣнью твоему и по образу комуждо и по лицу наведи“¹⁾). Приведенныя данныя настолько скудны, что нельзя рѣшить, какую дисциплину покаянія предполагаетъ Правило митр. Іоанна, и было бы большимъ рискомъ сказать, что оно имѣетъ въ виду дисциплину тайной исповѣди тѣмъ болѣе, что основанія для перечисленныхъ у него епитимій можно найти въ церковныхъ правилахъ. Характерно то, что Кіевскій митрополитъ, широко начитанный въ греческой канонической письменности, не руководствовался покаяннымъ номоканономъ Іоанна Постника, и параллели къ статьямъ его Правилъ отыскиваются скорѣе въ древнихъ церковныхъ канонахъ, чѣмъ въ этомъ обычномъ руководствѣ для совершенія тайной исповѣди. Такое игнорированіе едва ли случайно: митр. Іоаннъ принадлежалъ, повидимому, къ тѣмъ греческимъ іерархамъ, которые не признавали устава Іоанна Постника, потому что стояли за древнюю, болѣе строгую дисциплину покаянія. Далѣе. Въ приведенныхъ выше словахъ 15 ст. Правилъ двоевѣрные христіане осуждаются за неприобщеніе св. Таинъ, но здѣсь не упомянуто о нехожденіи ихъ на исповѣдь, которое также, конечно, имѣло мѣсто, а не упомянуто это явленіе, всего скорѣе, потому, что съ точки зрѣнія митр. Іоанна II исповѣдь не была общеобязательна: сообразно съ церковными канонами предписывалась она лишь за тяжкіе, такъ называемые каноническіе грѣхи, и рядовые вѣрующіе приобщались безъ обязательной предварительной исповѣди. Отсюда возможенъ выводъ, что ко времени управленія митр. Іоанна II еще не сложился въ русской церкви и порядокъ говѣнья. Такое предположеніе вполнѣ допустимо: помимо того, что и въ греческой церкви покаянная дисциплина отчасти регулировалась тогда древними канонами, можно указать слѣды подобной дисциплины и въ русской церкви. Кирикъ имѣлъ подъ руками „Нѣкоторую Заповѣдь“, славянскій епитимейникъ, вѣроятно, первой полов. XI стол., которую рѣшительно осудилъ архіеп. Нифонтъ²⁾). Эта Заповѣдь содержитъ дозволеніе вѣрующимъ приобщаться еженедѣльно, очевидно, безъ предварительной исповѣди, а также предписанія, свидѣтельствующія объ очень широкомъ и своеобразномъ примѣненіи публичнаго покаянія³⁾). Но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что своеобразная дисциплина этого памятника не чужда была русской церкви XI стол., и Нѣкоторая Заповѣдь являлась однимъ изъ тѣхъ славянскихъ руководствъ покаянія, которыя на первыхъ порахъ русской

¹⁾ Стт. 23, 30, 34 и 24. Греческій подлинникъ этихъ статей, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ.

²⁾ *Тексты*, II; *Замѣтки*, § 5.

³⁾ *Замѣтки*, § 5, и. Голубинскій также признаетъ, что на Руси существовалъ древне-христіанскій обычай приобщенія. Но основаніе для этого—ст. 9 Заповѣди ко исповѣдающимся—недостаточно. Тамъ же, стр. 291, пр. 1. Въ „Посланіи Есифа къ дѣтемъ и братіи“ приводится съ именемъ Златоуста предписаніе чернецамъ приобщаться четырежды въ недѣлю: въ среду, пятницу, субботу и воскресенье. *Никольскій*, Матеріалы для ист. др.-рус. духов. письменности №№ I—XXIII, стр. 138; ср. 132—133. Въ Правилѣ съ именемъ Максима: „Аще ли кто сотворитъ 40 дни безъ опщенія, поганъ наречется“. *Тексты*, VIII, 10; ср. *Θεολογία* Ст. еж., 6, 62.

церкви проникли къ намъ и имѣли практическое значеніе при первоначальной организаціи исповѣди и покаянія.

Однако уже въ первой четверти XII в. дисциплина тайной исповѣди господствовала въ русской церкви. Митр. Никѣфоръ (1104—1121) въ своемъ Поученіи въ недѣлю сыропустную упоминаетъ объ епитиміяхъ, налагаемыхъ духовными отцами: „потерпимъ и сохранимъ даемыя намъ отъ отецъ епитиміи“, — объ исповѣди: „не усраимся явити грѣхи, да не пребудутъ неисцѣлени“, — о приобщеніи въ день Пасхи: „дойдемъ въ господскій день истинныя Пасхи, неосужденно причастимся святой Господни плоти, глаголю, и честныя Его крови“¹⁾.

Итакъ Правило митр. Іоанна II и Нѣкоторая Заповѣди, древнѣйшія епитимейники, обращавшіяся на Руси, не даютъ изслѣдователю отчетливаго представленія о первоначальной дисциплинѣ исповѣди и покаянія въ нашей церкви. Возбуждая интересъ къ данному вопросу, онѣ наводятъ лишь на предположеніе, что переходный моментъ, который переживала покаянная дисциплина въ греческой церкви послѣ періода вселенскихъ соборовъ до XII в. включительно, отразился и на русской церковной дисциплинѣ. Недостаточность туземныхъ источниковъ для рѣшенія поставленнаго вопроса подсказываетъ окольный путь, путь сравнительнаго изученія: состояніе покаянной дисциплины въ русской церкви до нач. XII в. было бы, можетъ быть, гораздо яснѣе, если бы представлена была отчетливая картина состоянія этой дисциплины въ греческой церкви и у южныхъ славянъ за то же время. Но такая задача является совершенно невыполнимой въ предѣлахъ вводной статьи: здѣсь такъ много невыясненныхъ или спорныхъ вопросовъ, что высказывать свои мнѣнія конспективно безъ ссылки на источники, безъ подробнаго изложенія и разбора существующихъ научныхъ мнѣній было бы дѣломъ мало полезнымъ²⁾. Къ тому же исполнѣ возможноъ такой результатъ изслѣдованія на данную тему: покаянная дисциплина греческой церкви и славянскихъ церквей была не совсѣмъ одинакова, напр., послѣдняя, можетъ быть, въ большой мѣрѣ, чѣмъ первая, подвергалась вліянію католическаго Запада (припомнимъ Фрейзингенскіе отрывки и Заповѣди св. Отецъ); въ институтѣ духовника у южныхъ славянъ была допущена, повидимому, рано важная особенность — участіе благаго духовенства въ дѣлѣ совершенія исповѣди, чего, можно сказать, не знала греческая церковь; тамъ и здѣсь, возможно, не въ одинаковой степени хранились остатки древне-христіанской публичной дисциплины. И возникаетъ естественный вопросъ, откуда, собственно, получили мы

¹⁾ Голубцовъ, Чинovníкъ Новгородскаго Софійскаго собора, М. 1899, стр. 162, 164; ср. Макарій, Исторія, II³, 350, 352. Общія латиняны, митр. Никѣфоръ, между прочимъ, пишетъ: „Егда же крестився възрастъ и выпаде въ грѣхъ человѣческій, ни покаяніемъ, ни сповѣданіемъ исцѣляютъ его, но помажутъ его масломъ древнямыъ на оставленіе грѣхомъ; а покаяніе отмѣтаютъ“. *Ibid.* 338.

²⁾ Мы надѣемся издать со временемъ II часть изслѣдованія „Духовный отецъ въ древней восточной церкви“, гдѣ попытаемся болѣе или менѣе подробно описать состояніе покаянной дисциплины въ греческой церкви X—XII вв.

покаянную дисциплину—изъ Византии или изъ Болгаріи? Если изъ той и другой вмѣстѣ, то какая церковь была главной руководительницей нашей въ этомъ дѣлѣ? Въ частности, въ какомъ видѣ перешелъ въ русскую церковь духовникъ—органъ тайной исповѣди,—въ видѣ ли духовнаго отца монаха, приближающагося къ монастырскому старцу, или же и въ видѣ благаго священника? Возможно и то и другое: если изъ Византии русская церковь получила первую свою іерархію, которая законодательствовала въ области церковнаго права, то отъ южныхъ славянъ заимствована нами каноническая письменность, переводная и оригинальная, можетъ быть, пришло отчасти и приходское духовенство, и дисциплина покаянія могла слагаться не совсѣмъ такъ, какъ того хотѣла правящая іерархія. Эти вопросы, благодаря отмѣченной скудости древнѣйшихъ русскихъ каноническихъ памятниковъ, по прежнему должны остаться безъ опредѣленнаго отвѣта, и трудный, длинный окольный путь сравнительнаго изученія можетъ и не привести къ желанной цѣли,—къ выясненію именно вопроса о характерѣ начальной покаянной дисциплины на Руси. Наконецъ, при сформированіи покаянной дисциплины, въ первыя полтора столѣтія русской церкви возможны были своеобразныя условія, которыя могли вносить въ нее измѣненія чисто мѣстнаго характера, дѣлать ее до нѣкоторой степени оригинальной. Напримѣръ, въ русской церкви, вѣроятно, очень рано перестала существовать отдѣльный классъ духовниковъ, и право на совершеніе исповѣди начало даваться каждому благому священнику вмѣстѣ съ его поставленіемъ, въ противоположность тому, что наблюдается въ церквахъ греческой и южно-славянскихъ. Такъ, къ сожалѣнію, не доступны для послѣдователя ни характеръ первоначальной покаянной дисциплины на Руси, ни процессъ образованія или сформированія ея.

Переходя къ исторіи древне-русскаго духовничества, считаемъ необходимымъ предварительно привести терминологію духовника въ нашихъ древнихъ памятникахъ, потому что здѣсь не все ясно и безспорно.

Наиболѣе употребительнымъ является терминъ *духовный отецъ*, переводъ греческаго *πνευματικὸς πατήρ*, чаще всего встрѣчающійся и въ южно-славянской письменности. „Духовный отецъ“, по примѣру греческой письменности, употребляется иногда въ неособственномъ смыслѣ, въ значеніи вообще нравственнаго руководителя и образца. Въ этомъ смыслѣ Несторъ называетъ преп. Θεοδοσία—„духовный отецъ нашъ“; въ похвальному словѣ преп. Сергію „духовными отцами“ названы устроители иноческаго житія, законодатели монашества¹⁾. Прилагается этотъ терминъ къ іерархамъ и къ приходскому духовенству²⁾. Въ греческихъ источникахъ періода вселенскихъ соборовъ

¹⁾ *Житіе Θεοδοσία*, 64; *Житіе преп. Сергія*, изд. Общ. Л. Др. II., 146: „духовныхъ отецъ ученія и душеполезная словеса не токмо телеса, но и самую душу могутъ укрѣпити и окръпляти къ духовнымъ подвигомъ“.

²⁾ Въ Судебникѣ ц. Θεοдора читаемъ: „Царь и вел. князь ...приговорилъ и уложилъ сей судебникъ со отцемъ своимъ духовнымъ патрархомъ Московскимъ Иевомъ“. Судеб-

даннымъ терминомъ обозначался монастырскій старецъ, а не пресвитеръ, совершитель таинства покаянія, не духовникъ¹⁾. Въ древне-русскомъ сло-воупотребленіи этого не наблюдается, хотя, надо отмѣтить, послушникъ, ученикъ старца называется иногда „сыномъ и чадомъ духовнымъ“. Такъ одно древнее старческое поученіе озаглавлено: „Наказаніе нѣкогого старца ко сыну и чаду духовному и послушнику во всемъ“²⁾. Прихожане въ своихъ выборныхъ грамотахъ называютъ духовными отцами своихъ приходскихъ священниковъ³⁾, вѣроятно, потому что послѣдніе были въ то же время и духовниками ихъ.—Рѣдко встрѣчается выраженіе *родитель духовный*⁴⁾. Въ Стоглавѣ духовникъ названъ два раза—*духовный пастырь*⁵⁾. Въ Житіи Даниїла Переяславскаго—*духовный советникъ*⁶⁾. Въ одномъ Сборникѣ к. XV в.—*мужъ духовный*⁷⁾. Начиная съ полов. XIII в. и до поздняго времени (кон. XVII ст.) употребляется выраженіе *отецъ душевный*, напр., въ духовныхъ Московскихъ князей Симеона и Ивана Ивановичей⁸⁾. Есть и соответственное выраженіе *дѣти душевныя*; оно читается въ духовническомъ поученіи, по крайней мѣрѣ, XIII стол.⁹⁾.—Другой русскій терминъ глубокой древности, но менѣе употребительный—

никъ, М. 1900, стр. 1. Патр. Константинопольскій, по выраженію одной патриаршей грамоты, есть „духовный отецъ и владыка, отъ Бога поставленный надъ всѣми христіанами во вселенной“. Р. И. Б. VI², 238 втор. сч. Ср. А. И. I, № 227; А. Э. III, № 108.—„И весь Псковъ, со своими отцы духовными съ семи (чит. съ всѣми) соборы съ священноиноки, священники и діаконы... поставиша по благословенію отецъ своихъ духовныхъ... церковь“. П. С. Р. I. IV, 230.

¹⁾ *Смирновъ*, Духовный отецъ, 1—14.

²⁾ Нач.: „Сыну и чадо, буди судія своему тѣлу на всякъ день и часть“. Ркп. Соловецкаго монастыря XVII в. № 56, л. 202—207. Наоборотъ, духовный отецъ, одинъ разъ намъ встрѣчилось, называется *старцемъ*: „иъ кто безъ покаянія есть, тому внѣ церкви стояти, доколѣ покаяніе прииметь отъ старца, тожъ входити въ церковь“. Поученіе св. От. душеполезно. Нач. „Да (е)ще вы и се пѣвѣшу любимѣи, понежъ вижу вы“... Сборникъ XVI в. Погодин. Древлехр. № 1590, л. 149. Въ греческой письменности встрѣчается выраженіе *μῆτρ πνευματικῆς*—духовная мать, означающее—игуменія, старица. Но трудно понять, что значить это выраженіе въ русскомъ поновленіи священникамъ. *Алмазовъ*, III, 241.

³⁾ А. Ю. Б. I, № 7, II и III; А. Ю. № 358; *В. Верюжскій*, Афанасій Холмогорскій, 204, пр.

⁴⁾ *Тексты*, XLII⁶, 54. Но этотъ памятникъ, вѣроятно, южно-славянскій. Кн. Курбскій пишетъ о преп. Феодоритѣ Кольскомъ: „отче мой и родителю духовный!“ Сказанія кн. К-го, изд. *Устряловымъ*², стр. 141.

⁵⁾ Стоглавъ, изд. *Субботина*, 226, 242.

⁶⁾ Житіе преп. Даниїла, изд. *Смирнова*, стр. 52.

⁷⁾ Кир.-Бѣлоз. Сборн. № 9/1088, л. 31: „Подобаетъ дѣтемъ мужьска полу и женъска овѣмъ убо 14 лѣтъ, овѣмъ же по 12-мъ лѣтъ возраста согрѣшенія исповѣдати мужемъ духовнымъ“. Терминъ этотъ греческій, см., наприм., извѣстный вопросъ-отвѣтъ Анастасія Синаита. *Смирновъ*, Духовный отецъ, 201—202, 334 и слѣд. Значеніе термина въ греческой письменности см. *тамъ же*, 203—204, прим.

⁸⁾ Новг. Л. I, стр. 265, г. 1245; *Срезневскій*, Словарь, I, 751; Р. И. Б. VI², 237; XIV, 83, 1280.

⁹⁾ *Тексты*, XLII², 1, 51; *Замѣтки*, § 45, б. Р. И. Б. VI², 868, ст. 62; 870, ст. 75 „сынъ душевный“.